

ЛЕСЯ
ГЛИНСКАЯ

РАЗВОД

*Слишком милосердно
для тебя*

Леся Глинская

Развод. Слишком милосердно для тебя

<https://litres.ru/74536584>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Он хочет жениться на ней! – взвизгивает любовница моего мужа, – Вы понимаете?! Она забеременела и вас ждет развод!

– И – я медленно провожу пальцем по ножке бокала, собираясь с силами, – Что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам начать первой! – с хищным оскалом подается вперед девица, – Развод! Громкий! С фотографиями, записями – она аж задыхается от предвкушения.

Но я резко осекаю ее:

– Нет

Развод для него слишком милосердно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Леся Глинская

Развод. Слишком милосердно для тебя

Глава 1

– А ты знаешь, что лестницы пожарных машин достают только до тридцать второго этажа?

Мой муж стоит у окна.

Даже не так – у стеклянной стены, за которой нет ничего.

Только небо. Облака. И город где-то далеко внизу, такой крошечный, будто игрушечный. Настолько далекий, что кажется мне нереальным. Как и все, что происходит сейчас со мной.

– А если ветрено, – продолжает он задумчиво, – То и того ниже.

Небоскреб. Сорок восьмой этаж. Остекление в пол.

Красиво, наверное.

Если не смотреть вниз.

Я не смотрю. У меня от такой высоты сразу леденеют пальцы и внутри все неприятно проваливается. С детства. Андрей знает.

Конечно, знает.

Потому что именно он двадцать лет назад снимал меня с лестницы в старом доме моей матери, когда я полезла менять лампочку и застыла на третьей ступеньке, вцепившись в скрипящие поперечины.

Он тогда смеялся. Обнимал. Говорил: “Моя трусиха”.

А сейчас стоит у стекла и рассуждает о пожарных лестницах.

– Мне кажется, это еще один аргумент не покупать ее, – говорю я спокойно.

Почти спокойно.

Мы же просто смотрим квартиру.

Просто очередная блажь Андрея. Очередной его “надо расти, Ален”. Очередное “ты ничего не понимаешь в статусе”. Очередное “в нашем кругу уже все давно так живут”.

В нашем кругу.

Я вдруг думаю, что давно уже не знаю, кто входит в этот “наш круг”.

– Кстати, ветреную погоду башни ощутимо шатаются, – продолжает Андрей. – На это даже специальный люфт закладывают. В основании.

Он говорит ровно. Почти мечтательно.

И от этого мне становится нехорошо.

Я смотрю на его спину. На дорогой пиджак. На шею над воротником рубашки. На знакомую родинку у линии волос.

Господи, я целовала эту родинку.

Я когда-то любила даже эту родинку. Когда-то...

– Андрей, мне тут не нравится.

Он не отвечает.

– Андрей!

Только тогда муж словно вздрагивает. Резко. Нервно. Как человек, которого застали не там, где он должен быть.

– Да? Ну... – он оборачивается и улыбается.

Улыбка выходит неправильной.

Слишком быстрой. Слишком широкой. Слишком не к месту.

– Ну ты хотя бы посмотри ее. Ванную, кухню... Чтобы было что агенту сказать.

Он подбрасывает в руке ключи.

Связка звякает в пустой квартире.

Тихо. Одиноко. Противно.

И этот звук почему-то царапает мне кожу изнутри.

– Андрей, мы же не будем ее покупать?

– Конечно не будем, – кивает он. – Как скажешь.

Как скажешь.

Я почти усмехаюсь.

За двадцать два года брака я уже уяснила, что мой муж говорит “как скажешь” только в двух случаях: когда уже все решил сам или когда хочет, чтобы я перестала задавать вопросы.

И все равно я иду.

Потому что двадцать два года брака — это не любовь даже.

Это привычка доверять. Это одна жизнь на двоих.

Я прохожу мимо пустой гостиной, мимо белых стен, мимо пятен света на полу. Здесь еще нет мебели. Нет запаха жизни. Нет чужих чашек, книг, тапочек, пыли.

Только холодный дорогой воздух.

И мы.

– Ален? – окликает меня Андрей.

Я оборачиваюсь.

Он стоит в проходе у двери.

Уже не у окна.

– Дай телефон, а? Надо один звонок сделать. У меня батарейка села.

Я смотрю на него.

На его протянутую руку. На часы на запястье. На едва заметную каплю пота у виска.

В квартире прохладно.

Очень прохладно.

– У тебя же всегда с собой пауэрбанк, – говорю я.

Он моргает.

Раз. Другой.

– В машине оставил, – отвечает легко. Почти сразу. Почти естественно.

Почти.

Вот это “почти” и впивается мне под ребро.

Но я все равно достаю телефон.

Потому что это Андрей.

Мой муж.

Мужчина, которому я рожала, прощала, верила, прикрывала спину, вытаскивала его первый бизнес из долгов, улыбалась его партнерам, терпела его мать, его срывы, его молчание, его “потом поговорим”.

Мужчина, которому я отдала лучшую часть своей жизни.

Разве такой человек может попросить телефон, чтобы лишить тебя последнего шанса?

– Да, без проблем, – говорю я.

Это же такая мелочь.

Я двадцать с лишним лет все подавала ему, даже не спрашивая, зачем. Двадцать с лишним лет...

Он берет аппарат.

Наши пальцы соприкасаются.

У него ледяные руки.

– Спасибо, – говорит Андрей.

И отводит глаза.

Я делаю шаг в сторону кухни.

Еще один.

За спиной тихо щелкает замок.

Не хлопает дверь.

Именно щелкает.

Аккуратно. Но отчего-то очень громко.

– Андрей? – зову мужа я...

Мне очень хочется, чтобы он сейчас вдруг выглянул из коридора с удивленным: "А?"

Но нет.

Дверь закрыта.

– Андрей, – уже тише произношу я еще раз.

А в воздухе появляется отчетливый запах гари.

.

Глава 2

За два месяца до этого

– Значит, – я медленно провожу пальцами по влажной ножке бокала, – мой муж нам изменяет.

Нам.

Забавное словечко.

Глупое. Странное. Почти смешное.

Было бы смешным, если бы мне сейчас не хотелось своими же руками разодрать свои ребра... Чтобы под ними не болело сердце...

Напротив меня сидит женщина.

Не девочка.

Уже не девочка.

Но еще из тех, кому кажется, что десять лет разницы — это пропасть. Что молодость можно положить на стол, как козырь. Что гладкая кожа, дорогая сумка и взгляд с ленивой насмешкой дают право приходить к чужой жене и говорить с ней так, будто та уже проиграла.

Я смотрю на нее и думаю, что у Андрея, оказывается, очень стабильный вкус.

Даже слишком.

Ее светлые волосы уложены так, как нравилось ему в мои двадцать семь. Помада — именно того оттенка, который он однажды назвал не вульгарный красный, а дорогой. В мои

тридцать два.Браслет на левой руке — из той коллекции, которую я показывала ему в Милане. В позапрошлом году.Сумка — не просто дорогая. Правильная. Статусная. Не кричит, а шепчет.

Я сама годами учила его слышать этот шепот.

И теперь этот шепот сидит напротив меня.

Моложе на десять лет.

С моим мужем в постели.

С моим вкусом на запястье.

И, возможно, с моими деньгами на своем счету.

— Для меня это значит только отсутствие регулярного секса, — надменно вскидывает подбородок она. — Да и то ненадолго.

У нее красивые губы.

Очень ухоженные.

Она кривит их так, будто говорит не о мужчине, а о временно задержавшейся доставке пиццы.

— А вот для вас...

Она замолкает.

Смотрит на меня прищурившись.

Ждет.

Наверное, ждет, что я поблднею. Вскочу. Выплесну ей в лицо лимонад. Назову шлюхой. Начну унижаться, требовать подробностей, хватать ее за руки.

Я бы и сама хотела посмотреть на такую женщину.

Со стороны.

Эта дамочка склоняется ко мне, заговорщически шурится и тихо произносит, еле сдерживая хищное шипение:

– Я хочу, – она скалится, пытаясь улыбнуться, – кое что вам предложить!

.

Алена,

Которой сейчас предстоит не очень приятный разговор

Глава 3

Предложить.

Хм, девица явно ждет, что я проявлю интерес, захочу играть в ее игру, и, даже, наверное, по ее правилам.

Только я не двигаюсь.

Сажу на летней веранде одного из московских кафе, где слишком много солнца, слишком много смеха, слишком громко звенит посуда и слишком красиво сервируют чужие разрушенные жизни.

Белая скатерть.

Лед в бокале.

Мята.

Лимон.

Приятная музыка.

Самое подходящее место, чтобы узнать: твой брак не умер.

Его давно разделили.

Аккуратно. С расчетом. По кускам.

Руки у меня трясутся, поэтому я продолжаю гладить ножку бокала. Медленно. Осторожно. Будто это не стекло под пальцами, а последняя тонкая перегородка между мной и истерикой.

В груди пусто.

Нет, не пусто.

Там что-то падает.

Долго.

Беззвучно.

Будто вся моя жизнь летит вниз, а я все никак не слышу удара.

– Она забеременела от него, – хмыкает моя визави.

И вот теперь у нее в голосе что-то меняется.

На миг.

Совсем коротко.

Трещинка.

Не боль даже.

Зависть.

Злая, тонкая, голодная зависть женщины, которая вдруг поняла, что в постели она была не единственной, в подарках не последней, но в очереди на победу все равно оказалась не первой.

Она говорит “забеременела” так, будто речь не о ребенке.

А о выигранном тендере.

Я крепче стискиваю зубы.

Слишком крепко.

С внутренней стороны щеки вспыхивает боль, и на языке появляется вкус крови.

Хорошо.

Кровь лучше слез.

– Понятно, – говорю я.

Голос почти мой.

Почти.

— Не уверена, что вам понятно, — усмехается она. — Андрей собирается разводиться. Не сегодня, не завтра, конечно. Ему надо все оформить. Подготовить. Чтобы вы не устроили...

Она делает паузу.

Смотрит на мое лицо.

На мои руки.

На кольцо.

На то самое кольцо, которое Андрей надел мне двадцать два года назад, смеясь и путаясь в словах, потому что нервничал больше меня.

— ...проблем.

Проблем.

Я киваю.

Очень медленно.

Проблемы — это я.

Не жена. Не партнер. Не женщина, которая вытаскивала его первый бизнес из долгов. Не человек, который ночами считал платежи, пока он учился разговаривать с инвесторами уверенным голосом. Не та, кто стояла рядом, когда у него не было ничего, кроме дешевого костюма, амбиций и наглости.

Проблема.

Я смотрю на ее браслет.

Потом на сумку.

Потом на телефон, лежащий экраном вверх.

На экране вспыхивает сообщение.

Имя не успеваю прочитать.

Но вижу сердечко.

Красное.

Пошлое.

Дешевое сердечко на телефоне за несколько сотен тысяч.

И вдруг мне становится почти смешно.

Почти.

– А вы ко мне зачем пришли? – спрашиваю я.

Она подается вперед.

Вот теперь в ее глазах загорается жизнь.

Настоящая.

Жадная.

– Затем, что он нас обоих использовал. И если эта беременная дрянь думает, что заберет его себе...

Она осекается.

Понимает, что сказала слишком много.

Я чуть наклоняю голову.

– То есть вы пришли не предупредить меня.

Она молчит.

– Вы пришли предложить союз.

Ее улыбка возвращается.

– Я пришла предложить вам громкий развод, Алена. Очень громкий. С доказательствами, переписками, фото, счетами. Чтобы он пожалел.

Чтобы он пожалел.

Какая маленькая цель.

Какая детская, почти трогательная.

Я снова смотрю на ее браслет.

На сумку.

На ухоженные пальцы.

На женщину, которая думает, что знает моего мужа, потому что видела его голым.

Бедная.

Я видела его нищим.

Злым.Слабым.Испуганным.Жадным.Настоящим.

И я знаю, чего он боится больше скандала.

Не позора.

Не развода.

Не женских слез.

Бедности.

Я медленно отпускаю бокал.

Пальцы больше не дрожат.

Совсем.

– Нет, – говорю я тихо.

И опускаю ресницы.

Не от горя, нет. И не от отчаяния.

Я просто хочу скрыть пылающий ненавистью взгляд.

Андрей.

Тот, из-за которого весь сыр-бор.

Глава 4

Девушка напротив меня моргает.

– Что “нет”?

Я улыбаюсь.

Впервые за весь разговор.

Наверное, плохо улыбаюсь, потому что она почему-то перестает усмехаться.

Улыбка сползает с ее лица медленно. Не сразу. Сначала дергается уголок губ. Потом напрягается подбородок. Потом взгляд становится настороженным.

Правильно.

Наконец-то.

– Нет, – говорю я тихо.

Она моргает.

– Что “нет”?

– Я не буду с вами сотрудничать.

Несколько секунд она просто смотрит на меня.

Так, будто я отказалась не от ее мерзкого маленького союза, а от спасательного круга.

– Вы сейчас серьезно?

– Абсолютно.

Я беру бокал. Лед давно растаял, лимонад стал теплым и слишком кислым. Делаю маленький глоток.

И чувствую, как эта кислота ложится на язык.

Очень кстати.

– Вы не поняли, Алена, – она подается вперед. – У меня есть переписки. Фото. Переводы. Я могу...

– Я поняла.

Она замолкает.

– Просто вы ошиблись, – продолжаю я. – решив разделить со мной вашу месть.

Ее лицо меняется.

Красивое. Ухоженное. Дорогое.

И вдруг какое-то маленькое.

– Вы уже разделили со мной моего мужа, – смотрю на нее спокойно. Почти ласково. – Думаю, этого достаточно. Больше я с вами ничего делить не буду.

Она бледнеет.

Нет, не бледнеет даже.

Становится какой-то сероватой, с зеленоватой тенью у губ.

Хорошо.

Значит, попала.

– Да кто вы такая, чтобы... – начинает она, но голос срыгается.

Я чуть наклоняю голову.

– Жена.

Одно слово.

Всего одно.

Но оно ложится между нами тяжело. Как печать. Как под-

пись на документе. Как та самая строка, которую она никогда не сможет занять, сколько бы Андрей ни покупал ей сумок, браслетов и гостиничных завтраков с шампанским.

Любовница сжимает губы.

Теперь уже она держит лицо.

Плохо.

– Ну как знаете! – фыркает наконец. – Сами потом приползете.

Она хватает сумочку и начинает рыться внутри резкими, злыми движениями.

Пудра.Помада.Ключи.Карта.

Та самая карта.

Я смотрю на нее и вдруг почти физически чувствую, как внутри меня что-то встает на место.

Не сердце.

Сердце пока лежит где-то внизу, разбитое, липкое, бесполезное.

Встает другое.

Холодное.

Прочное.

Очень спокойное.

– Не трудитесь, – говорю я и едва заметно веду кистью. – Я заплачу.

Она замирает.

– Что?

– Я заплачу, – повторяю мягко. – Все равно на вашей карте

мои деньги.

Секунда.

Другая.

И вот теперь она краснеет.

Мгновенно.

Ярко.

Пятнами.

От шеи к щекам, к вискам, к аккуратно припудренному лбу.

Вся ее дорогая выдержка трещит, как слишком тонкое стекло.

– Да пошла ты! – выдыхает она.

Уже без надменности.

Без ленивой усмешки.

Без победы.

Просто злая, униженная женщина, которая вдруг поняла: все, с чем она пришла, ей не принадлежит.

Ни мужчина. Ни деньги. Ни власть. Ни даже эта ее маленькая месть.

– Дура! – бросает она громче. На нас оборачиваются за соседним столиком. – Ну и дура! Поделом тебе!

Она вскакивает так резко, что стул царапает ножками плитку.

Некрасивый звук.

Почти визг.

Несколько человек смотрят на нее. Официант делает шаг

в нашу сторону, но останавливается. Видимо, по моему лицу понимает: помощь нужна не мне.

Любовница хватает сумочку, прижимает ее к боку и уходит.

Быстро.

Слишком быстро для женщины, которая собиралась победить.

Я провожаю ее взглядом.

Сначала до выхода с веранды.

Потом до тротуара.

Потом она растворяется в потоке людей.

А я остаюсь сидеть.

Передо мной теплый лимонад.

Салфетка.

Солнечный блик на столовых приборах.

Слишком веселые голоса вокруг.

Москва живет так, будто только что не умерла моя прежняя жизнь.

Странно.

Очень странно.

Я думала, в такие моменты мир должен хотя бы на секунду остановиться.

Машины — замереть. Люди — замолчать. Небо — потемнеть.

Но нет.

Официант несет кому-то кофе. За соседним столиком сме-

ется девушка. Мужчина в белой рубашке фотографирует десерт. На улице сигналит такси.

А я сижу и понимаю: никто не придет.

Никто не скажет: “Алена, это ошибка”. Никто не вернет мне двадцать два года. Никто не соберет обратно женщину, которая еще утром думала, что у нее есть муж, хорошая жизнь, семья.

Значит, придется собирать другую.

Я медленно выпрямляюсь.

Кладу ладонь на стол.

Пальцы больше не дрожат.

Совсем.

Смотрю на улицу.

На блестящие витрины.

На дорогие машины.

На людей, которые спешат куда-то со своими маленькими счастьями, изменами, счетами, ложью.

И впервые за весь день мне становится не больно.

– Развод? – произношу медленно.

И качаю головой.

Нет.

– Нет, – шепчу я, глядя на солнечную улицу. – Развод — это слишком милосердно.

Глава 5

Женщина знает, если ей изменяют...

Любимое утверждение всех, кто хочет покрыть мужскую подлость.

Дескать, знает и терпит. Ей так выгодно!

Черта - с два!

Не знает!

Я не знала!

Встаю, стараясь ровно держать спину, шагаю к машине...

Мысли крутятся в голове шипящими змеями, жалят и обжигают.

Я меньше трех недель назад провела с ним совершенно сумасшедшие выходные за городом, когда он вытворял такое, отчего меня до сих пор бросает в жар.

Я не знала!

Все было, как всегда...

И вдруг эта мысль гремит таким колоколом, что чуть не сбивает с ног.

Как всегда?

У Андрея беременная любовница... И еще одна. В отставке. Судя по ее внешнему виду, их отношения продолжались не меньше года. Не меньше...

А раньше?

А всегда?

И вдруг память стала услужливо подсовывать:

Ему тридцать. Только родился Никита, а Полинке семь. Он два года, как ушел из найма в свободное плавание. Два безумных, невероятно тяжелых года.

"Аленка, я на объект!"

Десять часов вечера, измученный вид. Он вернулся из офиса, едва успел перекусить и сменить рубашку на футболку.

"Ты же знаешь, сейчас начнут сваи заливать, без контроля опять ерунду сделают!"

Он тер лицо, сокрушенно вздыхал, ерошил волосы.

А иногда пропадал до самого до утра...

"М? Да, родная. Привет! Да, сплю в машине... Да мне ж до города три часа, ну смысл в пять утра домой являться, – усмехался грустно, – Я уже сразу в офис"...

И я верила.

Верила каждому слову, потому что мне казалось, что мы вместе. Что мы пара. Что мы вот... Бок о бок... Через все трудности.

Болел младший, не хотела учить уроки старшая. Не хватало мяса на четверых на ужин. Не хватало ночи свести баланс.

Но я верила... Тарелочку с тем самым мясом ему под крышечкой на столе оставляла...

И верила.

А он работал? Или...

Мысль входит в сердце каленым железом и медленно про-

ворачивается.

И самое ужасное, что я этого уже никогда не узнаю! Никогда не смогу ни проверить, ни поверить... Никогда!

Осознание накрывает липким, удушливым ужасом.

Два часа назад это был мой самый обычный день. Как всегда! А в обед я узнаю, что у него всегда были любовницы...

На негнущихся ногах дохожу до машины, почти падаю на водительское сиденье.

Закрываю глаза.

О том, чтобы ехать к нему в офис не может быть и речи. Зачем? Чтобы спросить что?

Домой?

Полинка должна быть на учебе. Студентка. Живет еще с ними. Никита вообще еще в десятом классе.

Собственно, именно поэтому мы и завели традицию, раз или два в месяц срываться вдвоем в какой-нибудь загородный клуб или дом отдыха.

Чтобы можно было кричать в голос, чтобы можно было не прятать блестящих глаз и не стесняться сбившегося дыхания...

Чтобы...

Резкая боль осознания прорезает грудь поперек. Прижимаю руку к солнечному сплетению, пытаюсь сдержать эмоции.

Последний раз мы были на таком отдыхе семнадцать дней назад.

И в это время, Андрей, наверное, уже знал, что его любовница беременна.

Знал...

Боже...

Медленно выдыхаю, завожу мотор. Поеду домой. Надо успокоиться и подумать.

Официально я не работаю. Да, последние лет семь, уже и фактически почти не работаю. Первые годы я вела бухгалтерию от "а" до "я", а потом...

Потом Андрей вырос. Появился главбух. И даже целая бухгалтерия.

Я просто уже не успевала одна просмотреть все. Так, выдергивала иногда ошибки, если Андрей показывал документы.

Правда...

Руки отчего-то холодеют.

Последние лет пять Андрей и документы-то уже никакие не показывал.

Сразу после той проверки.

Боже!

Меня снова кидает в жар, только уже не от жалости к себе, а от ужаса.

Пять лет назад у Андрея случился глобальный косяк с налоговой.

Он тогда очень красноречиво ругался на своего бухгалтера, и очень громко жалел, что его дела веду не я.

Обнимал мои колени, целовал руки, и будто в шутку спрашивал: "А ты будешь мне передачи на зону носить?!"

И в этот же период...

"Алена, это не должно попасть под конфискацию!"

Квартира, в которой мы живем с детьми, записана даже не на мать Андрея, а на тетку!

Волосы шевелятся на затылке от этого осознания.

Как? Как я могла это пропустить?

Да, тогда, когда в квартире витал дух уголовного наказания, это казалось разумным. Но потом?

Потом просто забылось.

Ускоряюсь. Домой спешу так, будто забыла утюг выключить.

Мимо консьержа пролетаю не поздоровавшись. Плащ не снимаю, скидываю туфли на бегу, залетаю в кабинет.

Сейф.

Пароль. Пароль все тот же. Как всегда.

От этой мысли уже попросту горько усмехаюсь.

Только на месте ли документы?

Все документы о собственности? Квартиры, дом, участок, машины. Они должны быть тут. Я сама когда-то собирала папку.

Выписка из росреестра, копия договора...

Сейф открывается.

Только вот там ничего нет.

Какой-то старый договор на курсы при университете, пла-

тежки, счета, выписка со счета трехлетней давности, не крупная сумма наличных, колье... Не самое дорогое. Самое дорогое – в банковской ячейке. Арендованной на имя Андрея.

Медленно оседаю на вычурный узкий диванчик, стоящий тут непонятно зачем.

А мой супруг очень неплохо подготовился. Кажется, мне надо выяснить, чем я, собственно, ему мешаю.

Рука сама собой опускается в карман плаща, достает телефон...

В списке контактов легко нахожу "Адвокат Игорь Сергеевич Паленский"

И уже заношу палец, но...

Нет!

Это адвокат, который знает Андрея.

Теперь нельзя доверять никому, кто знает Андрея.

Толкаю большим пальцем список контактов и нахожу там давно забытое имя.

Гудок. Второй. Третий.

И наконец слегка удивленное:

– Алло?

– Привет! – произношу резко, – Мне нужна твоя помощь.

Глава 6

Мы сводные.

Я и мой брат... Мы сводные.

Отец общий. Когда-то этот самый отец бросил семилетнюю меня и мою маму ради забеременевшей любовницы.

Горько усмехаюсь, увидев аналогию.

Но все же продолжаю всматриваться в лицо брата.

Он похож на папу сильнее, чем я хотела бы. И выглядит старше, чем я представляла.

Понятное дело, что мы почти не общались.

Мать была оскорблена до глубины души. Отец никак не пытался что-либо изменить...

В общем, о том, что у меня есть брат, я знала всегда, но впервые увидела его на похоронах папы.

Три года назад.

И тогда же к своему удивлению узнала, что брат мой, оказывается, старший следователь одного из административных районов Москвы.

Пост серьезный, только вот особых бонусов, если соблюдать закон, это не добавляет.

Мы с Андреем живем несопоставимо лучше.

Жили...

Черт...

Нет уже нас с Андреем. Нет...

Ох...

В общем, даже познакомившись на похоронах, сестринско-братской любовью мы не прониклись, потому что старые обиды никто не забыл, а разрыв в положении был гигантский.

Поэтому, сказать, что мой брат удивился, услышав меня в телефонной трубке – ничего не сказать.

– Да я не силен по адвокатам, тем более по гражданским. – он смешно топорщит губы, и разводит ладонями, лежащими на столе.

Я смотрю на него. Долго. Внимательно.

У него умный, цепкий взгляд, и, мне кажется, он уже все понял. Совершенно все понял.

Или просто мне самой сейчас стыдно от того, что я вот – вот стану той самой брошенкой?

Еще утром я была женой! Любимой, важной, равной... А сейчас? Кто я сейчас? Еще немного и со мной разговаривать станут снисходительно и ласково улыбаться. Как тяжелолюбивой.

– Понимаешь, – начинаю медленно и аккуратно, – Я не думаю, что у меня очень сложное дело. Просто мне надо, – выдерживаю паузу, чуть понижаю голос, – Чтобы мой муж не знал.

– Угу, – чуть кривит губы мой брат, но тут же берет себя в руки и снова беспристрастно рассматривает свои не очень чистые ногти.

– Миш, – закрываю глаза, собираюсь с силами, – Миш, у него любовница беременна! – выпаливаю ту долю правды, которую, кажется, скоро будет невозможно скрыть.

Мишка резко вскидывает взгляд, смотрит на меня ошарашенно!

И вот я, наконец, вижу не винтик безупречной машины, а человека, пораженного случившимся.

Увы, никак не могу просчитать, что именно его поразило.

Сжимаюсь внутри от мысли, что он сейчас может начать шутить на эту тему, паясничать или выдать что-то о справедливости...

Но Мишка проводит рукой по волосам, шумно выдыхая все, что держал в себе.

– Вот приду-у-у-урок! – выпаливает он, глядя в стол.

Молчу.

Смотрю на брата, не веря своим ушам.

– Нет, то, что он у тебя мудака, прости Господи, я сразу понял, – довольно фыркает Мишка, – Но он был похож на очень умного мудака!

У меня вырывается короткий смешок.

Неловкий. Совсем неуместный.

Губы тут же начинают дрожать, и я прикусываю нижнюю.

Мишка замечает. Отводит глаза, поднимается, берет с подоконника бутылку воды.

Наливает в чистый стакан.

Молча ставит передо мной.

И почему-то от этого простого движения становится еще труднее держать лицо.

Он отталкивается от стола, встает, делает несколько шагов по кабинету...

– Дети твои знают? – вдруг спрашивает опомнившись.

– Нет, – качаю головой.

И тут же понимаю, что...

– Не знаю, – произношу уже тише.

Мишка кивает. Проходит до окна, возвращается.

— Он знает, что ты знаешь?

— Нет. И пока не должен узнать.

– Так! – Мишка резко разворачивается на пятках, – Тебе бракоразводник?

Молчу, тяну время, собираясь с мыслями...

– Не уверена...

– В смысле? – резко замирает мой брат, и смотрит на меня со смесью удивления и неприязни, – Ты после этого не собираешься разводиться?

– Для начала, – начинаю тихо, – Мне нужен кто-то, кто поможет мне восстановить имущественные права.

– Зачем? – хмурится Мишка.

Он явно считает, что никакие деньги на свете не стоят такого унижения. И в чем-то он прав, но...

– Затем, – мой голос вдруг вздрагивает и становится жестче, – Что я ночами не спала, сводя его балансы, что я, считай, матерью - одиночкой была, пока он на объектах пропа-

дал, что я почти шесть лет семью кормила, пока его бизнес первую прибыль дал! – Мишка, явно не ожидавший таких откровений, удивленно распахивает глаза, – А сейчас! – я аж вскакиваю, дав волю своим чувствам, – Сейчас я для него стала проблемой? Помехой? Досадным недоразумением? – последнее я, кажется, выкрикиваю, – Не-е-е-ет! – качаю головой, – Нет! Я хлебнула не меньше, чем он! Говно было поровну, так давайте и медок поровну! – резко сжимаю кулаки, – Подавится!

Мишка стоит напротив меня с распахнутым ртом и ошарашенным взглядом.

И я, глядя на него, вдруг понимаю, какое представление тут устроила.

Пристыженная отступаю, отворачиваюсь...

– Кхм, – откашливается мой брат, – Узнаю папин характер! – произносит он с улыбкой, – Ну что ж, – тянется к телефону, – Не уверен, что это то, что тебе нужно, но...

Его рука висит над экраном мобильного.

А я аж задерживаю дыхание, понимая, сколько поставлено на кон!

Глава 7

Напротив меня сидит грузный мужчина в дорогом... Очень дорогом костюме. Я вижу. Даже, кажется, марку костюма узнаю. Итальянскую.

Андрей их одно время любил.

– Алена Константиновна, а вы пробовали когда-нибудь судиться?

Он разговаривает медленно и очень тихо, будто боится случайно проявить какую-то эмоцию.

– До сих пор не приходилось, – качаю головой, опуская глаза.

Я тоже не хочу проявлять эмоций.

Пока.

Наверное.

– Алена Константиновна, суды, – адвокат откашливается, – Это крайне энергозатратное предприятие, – продолжает он таким голосом, будто ведет передачу "Спокойной ночи, малыши!"

Я всеми силами изображаю заинтересованный вид.

– Скорее всего, против вас будет выступать не просто ваш муж, – адвокат красиво изгибает бровь, – А вся его империя с юридическим отделом, консультантами и прочее, прочее, прочее, – он взмахивает полной рукой...

— И что вы предлагаете?

Прилагаю максимум усилий, чтобы голос не вздрогнул.

— Договориться.

— С кем?

Он чуть приподнимает брови.

— С вашим супругом, разумеется.

— Он ещё не знает, что я собираюсь что-либо предпринимать.

— Вот и хорошо. Значит, пока можно обойтись без открытого конфликта.

Смотрю на него, всё ещё пытаюсь понять.

— Вы предлагаете мне самой рассказать ему, что я знаю о любовнице?

— Я предлагаю подготовиться к переговорам. Когда ваш муж поймёт, что вы готовы обсуждать условия расставания, он, скорее всего, предложит вам содержание. Возможно, недвижимость. В вашем кругу так принято.

В вашем кругу.

Пальцы сами собой впиваются в ручку сумки.

— А если меня не устроит то, что он предложит?

Адвокат ненадолго замолкает.

Смотрит на меня терпеливо. Наверное, так смотрят на ребёнка, который никак не хочет надевать шапку.

— Я бы рекомендовал вам оценивать предложение с учётом вашего нынешнего положения.

— Моего положения?

— У вас нет документов. Нет ясного представления о со-

ставе имущества. Насколько я понял, нет даже собственных средств на длительный процесс.

Во всем его виде, во всем его голосе сквозит пренебрежение. Едва заметное. Но меня, с моими оголенными нервами, с моим обострившимся чутьем на ложь, эти его интонации режут, как тупой нож.

Он все говорит верно.

Я сама только что ему это рассказала.

Только почему-то думала, что мы обсуждаем, как мне из этого положения выбраться.

— Иногда разумный компромисс позволяет сохранить годы жизни, нервы и немалые деньги, — продолжает он. — Поверьте, далеко не каждый спор стоит доводить до суда.

Пытаюсь вдохнуть.

Желательно так, чтобы он не заметил.

В нашем кругу.

В моей среде.

Жена одного из компаньонов Андрея в прошлом году попала в неврологию. Мы сидели на веранде ресторана, кто-то спросил, почему её давно не видно.

Муж поморщился.

Сказал, что у неё проблемы с алкоголем. Что семья долго скрывала, пыталась справиться сама, но теперь пришлось обратиться к специалистам.

Все сразу отвели глаза. Сочувственно закивали.

Эта женщина среди нас больше не появилась.

А её муж этим летом снова женился.

Под рёбрами становится холодно.

Интересно, что Андрей расскажет обо мне?

И сколько человек кивнут ему, сочувственно поджав губы?

Когда я думаю об этом, у меня холодеет под ребрами, и живот скручивает в тугий узел.

В моей среде...

Мир больших денег.

Мир жестоких людей.

Я такая же?

Не-е-е-ет!

Но сожрать себя не дам.

– Простите, – чуть приподнимаю подбородок, якобы разглядывая визитку, – Егор Иванович.

– Да, – улыбается адвокат довольно.

– Егор Иванович, вы тут очень вовремя подметили, что мой муж пока ничего не знает...

– Да! И я считаю... – уверенно начинает он.

– Я надеюсь! – перебиваю его.

Выдерживаю паузу.

Почти с удовольствием наблюдаю, как меняется взгляд этого толстяка. Он был уверен, что имеет дело с богатенькой куклой.

Увы.

Мне совершенно не жаль его разочаровывать.

– Я надеюсь, – начинаю на тон тише, – Что от вас он этого и не узнает! – поднимаюсь, протягиваю руку, – Не забывайте, – киваю на его стол, – Вы подписали бумагу.

– Кхм, – адвокат жуёт свои губы, разглядывая соглашение о конфиденциальности так, словно впервые его видит, – Я правильно понимаю, вы отказываетесь от моих услуг?

– Чтобы принимать подачки, – улыбаюсь обворожительно, – адвокат мне не нужен.

И выхожу с прямой спиной.

Не оглядываясь.

Ровным шагом.

Даже прощаюсь с девушкой за стойкой и аккуратно прикрываю за собой дверь.

И только у лифта понимаю, что меня трясёт.

Лезу в сумку за телефоном. Пальцы не слушаются. Аппарат скользит, я едва успеваю подхватить его второй рукой.

Да что ж такое!

Останавливаюсь у окна. Прижимаюсь плечом к прохладной стене.

Нахожу номер брата.

– Миш, – выдыхаю в трубку, – Миш, он просто трус!

– Ну-у-у-у, – тянет брат, – Он привык иметь дело с богатыми людьми.

– Миш! – выкрикиваю почти со слезами в голосе.

Хотя нет.

Не почти.

Именно что со слезами.

Поэтому замолкаю и не произношу больше не звука.

– Я понял тебя, сеструха!

Ему почему-то нравится меня так называть, а мне, кажется, даже не режет слух это сериальное просторечие.

– Ну да, он такой... Склизкий тип! – вздыхает брат, – Но я подумал, что он как раз в твоём кругу...

— Он ничего не знает про мой круг! – выкрикиваю, – Костюм себе купил за пять штук баксов и изображает из себя невесть что!

– Понял, понял, – тут же идет на попятную мой брат, – Ну окей, я подберу для тебя еще пару контактов!

– Спасибо, – выдыхаю.

И снова замолкаю, потому что снова в голосе слезы.

В этот раз слезы благодарности.

Просто за то, что я не одна.

До сих пор до конца не верю, что Мишка может помочь, но он хотя бы рядом...

– Ты сейчас куда? – приводит меня в чувства вопрос.

– Я?

Переспрашиваю почти удивляясь.

– Ну... – начинает он аккуратно, – Если тебе вдруг некуда пойти, то я могу дать ключи от своей берлоги! Сам вот в кабине...

– Нет! Нет, Миш! – снова почти кричу. – Я справлюсь! Я смогу! Спасибо, Миш.

– Ну, – откашливается, – Если что, выдумывай себе какую-нибудь пакость и дуй ко мне!

– Договорились, – улыбаюсь, хоть Мишка меня и не видит.

– Ну все! Я побежал. – заканчивает он бодро.

– Пока, – прощаюсь.

Опускаю телефон. Убираю его в сумку. Застегиваю ее. Крепко сжимаю края.

Мне надо ехать домой.

К мужу.

Который ничего не должен знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.